

М. Лермонтовъ

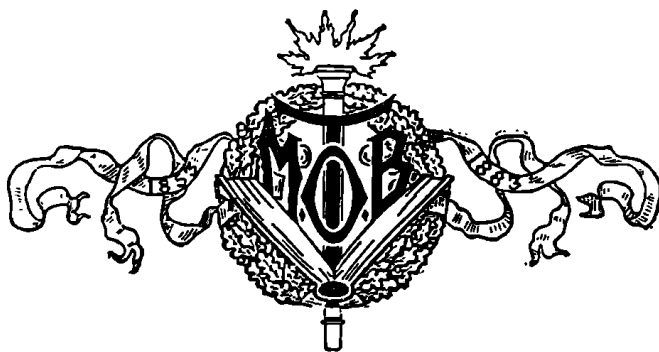
МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

Подъ редакціей В. В. ЧУЙКО

СЪ ПОРТРЕГОМЪ ЛЕРМОНТОВА, ЕГО БИОГРАФІЕЙ И 41 ОТ-
ДѢЛЬНЫМИ КАРТИНАМИ ХУДОЖНИКА В. А. ПОЛЯКОВА

ШЕСТОЕ СТЕРЕОТИПНОЕ ИЗДАНИЕ

ТОМЪ I.

ИЗДАНИЕ

ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕДИЧЕСТВА

ТОВАРИЩЕСТВА М. С. ВОЛЬФЪ

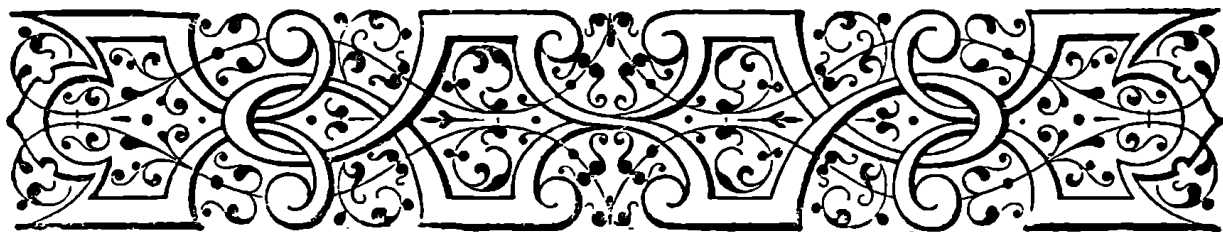
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

МОСКВА

Гостиньй Др., 13 и Невскій, 13. || Кузнечій М., 12 и Мозовая, 22.

ΠΕΥΑΤΕ ΤΗΠΟΥΓΡΑΦΗΝ
ΤΕΑ Μ·Ο·ΒΟΛΨΖ
ΣΠΟΥΕΡΒΥΡΓΖ· ΕΑΘ· ΘΟΥ· ΙΘ ΑΝΝΙΑ ΣΟΥ ΔΑΔΑ

МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

(БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

Лермонтовы ведутъ свой родъ отъ шотландской фамиліи Лермонтъ. Одинъ изъ этихъ Лермонтовъ переселился изъ Шотландіи въ Россію въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Потомки его были столыниками и воеводами, а позднѣйшіе служили въ военной службѣ. Отецъ нашего поэта точно также служилъ въ военной службѣ, но не долго: въ 1811 году онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и по большей части жилъ въ деревнѣ. Онъ женился на Марьѣ Михайловнѣ Арсеньевой, которая вышла за него замужъ по любви. Отъ нея у Юрія Петровича родился сынъ Михаилъ 3 го октября 1814 года. Его мать, Марья Михайловна, черезъ два съ половиною года послѣ рожденія поэта, умерла отъ извурительной чахотки, на двадцать первомъ году жизни.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ воспитывался у своей бабушки, Елисаветы Алексѣевны Арсеньевой, рожденной Столыпинной, которая обожала своего внука и имѣла несчастье пережить его. Это была женщина богатая и не жалѣла средствъ на воспитаніе внука; особенное вниманіе, — по условіямъ тогдашняго времени, — было обращено на изученіе новѣйшихъ языковъ, — французскаго, нѣмецкаго, англійскаго; молодой Лермонтовъ учился также и греческому языку. Французскимъ языкомъ онъ владѣлъ превосходно, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ его французскіе стихи. Подобно Данте и Байрону ему не было еще и десяти лѣтъ, какъ онъ былъ уже влюбленъ не на шутку. Въ одной изъ своихъ тетрадей онъ, между прочимъ, писалъ: «Кто повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя десять лѣтъ отъ роду? Мы были большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетушки, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собой она была или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей; онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, — я помню, — я вбѣжалъ въ комнату: она была тутъ и

играла съ кузиною въ кукль; мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь. Съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ... И такъ рано! Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потиховку, безъ причины, желалъ ее видѣть: а когда она приходила, — я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату. Я не хотѣлъ говорить съ ней и избѣгалъ, слыша ея названіе (теперь я забылъ его), какъ-бы страшась, чтобы биченье сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда; и повину мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ. Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые... нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видѣлъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда такъ не любилъ, какъ въ этотъ разъ. Горы кавказскія для меня священны... И такъ рано, въ десять лѣтъ!.. О! это загадка, этотъ потерянный рай до могилы будетъ терзать мой умъ!.. Иногда мнѣ странно, и я готовъ смѣяться надъ этой страстью — во чаще плакать! Говорятъ (Байронъ), что «ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить пяцныя искусства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки».

Разумѣется, эта ранняя страсть скоро прошла. Около этого времени, въ 1826 году, молодой Лермонтовъ поступилъ въ Московскій университетскій пансіонъ, гдѣ онъ пробылъ 2 года. Съ августа мѣсяца 1830 года онъ сталъ слушать лекціи въ Московскомъ университетѣ. Курса въ университетѣ онъ не окончилъ и вышелъ въ 1832 году, по причинѣ, которая до сихъ поръ окончательно не выяснена. Однѣ изъ его товарищей по университету рассказываетъ, что Лермонтовъ имѣлъ столкновеніе съ однимъ изъ профессоровъ, который будто бы обидѣлся тѣмъ, что студентъ зналъ больше самого

профессора. Это едва-ли вѣроятно. Гораздо правдоподобнѣе то, что сообщаетъ Дудышкинъ въ биографіи Лермонтова. Онъ привелъ письмо одного изъ близкихъ къ Лермонтову лицъ. Вотъ это письмо: «A. S. écrit à P. que vous avez un désagrement à l'université, et que ma tante en est malade; de grâce écrivez moi ce que c'est. У насъ всѣ дѣлаютъ изъ мухи слова: tranquillisez—moi de grâce,—pour mon malheur je vous connais trop pour pouvoir être tranquille; je sais, que vous êtes capable de vous couper la gorge

денты заплотировали и крикнули: «бога!» «прекрасно!».. Это повторялось каждый разъ, какъ только М. раскрывалъ ротъ. М., обращаясь къ студентамъ, говоритъ: «Гг. я долженъ буду уйти!»—а ему кричатъ: «прекрасно!» М. идетъ изъ аудиторіи, изъ университета, а студенты идутъ за нимъ крича: «человѣкъ, который... bis! прекрасно...» И проводили его такимъ образомъ довольно далеко. По жалобѣ М., въ числѣ исключенныхъ былъ и Лермонтовъ.

Этотъ рассказъ въ сопоставленіи съ французскимъ

Село Тарханы.

Рисунокъ П. С. Павлова.

avec le premier venu et pour la première sottise—fi! C'est une honte: vous ne serez jamais heureux avec ce vilain caractère». Кромѣ того, Дудышкинъ слышалъ отъ одного изъ товарищей Лермонтова слѣдующій рассказъ объ этомъ событіи: у профессора Ц. былъ адъютантъ М., читавшій теорію уголовного права. Любимой темой лекцій М. было разсужденіе о человѣкѣ. Всѣ лекціи М. начинались словами: «человѣкъ, который...». М. заставлялъ и студентовъ поочередно писать на эту тему. Всѣ писали неохотно и начинали словами: «человѣкъ, который...» Студенты не любили профессора. Однажды, едва М. вошелъ на кафедру и началъ обычное: «человѣкъ, который...»—сту-

письмомъ, приведеннымъ нами, дѣйствительно, правдоподобнѣе, потому что находится въ согласіи съ характеромъ Лермонтова, — рѣзкимъ, нетерпимымъ, дерзкимъ. Эти индивидуальныя черты еще болѣе опредѣлялись въ юнкерской школѣ, куда Лермонтовъ поступилъ въ 1832 году, вопреки желанію своей бабушки. Въ школѣ онъ приобрѣлъ грубые манеры, употреблялъ самыя непривычныя выраженія, помѣщалъ въ школьномъ журналѣ циническіе стихи и, вообще, велъ себя какъ большинство его товарищей. «Справедливо замѣчаютъ,—читаемъ мы въ биографіи Лермонтова, помѣщенной въ изданіи г. Ефремова,— что пребываніе въ школѣ внесло новыя, крайне пе

Домикъ Лермонтова въ Пятигорскѣ.
Рисунокъ П. С. Панова.

симпатичныя черты въ характерѣ поэта, — фальшивое и неприятное удайство, страсть выдаваться впередъ, отталкивающую назойливость, и что только внутренній инстинктъ оберегалъ Лермонтова и не далъ ему волю погнаться тѣмъ влияніямъ, которыя способны были бы совершенно погубить его талантъ. Это подтверждается и разсказомъ одного изъ товарищей Лермонтова, который говоритъ, что «по вечерамъ, послѣ учебныхъ занятій, поэтъ часто уходилъ въ отдаленныя классныя комнаты, въ то время пустыя, и тамъ одинъ просиживалъ долго и писалъ до поздней ночи, стараясь туда пробраться незамѣченнымъ товарищами». Эти черты характера, къ сожалѣнію, остались и въ послѣдствіи и многихъ отталкивали отъ поэта. Это видно между прочимъ и изъ воспоминаній о Лермонтовѣ Боденштедта: «Мы были за шампанскимъ, — описываетъ свою встрѣчу съ Лермонтовымъ Боденштедтъ. — Свѣжняя пѣна лилась черезъ край стакановъ, и черезъ край лилась изъ устъ моихъ собесѣдниковъ то плохія, то мѣткія остроты. Въ то время мнѣ не было еще и двадцати-двухъ лѣтъ; я былъ свѣжій и толстощекий, довольно неловкій и сентиментальный юноша, и больше слушалъ, чѣмъ говорилъ и, вѣроятно, казался нѣсколько страннымъ среди этой блестящей, уже порядочно пожившей молодежи. — А! Михаилъ Юрьевичъ! — вскричали двое-трое изъ моихъ собесѣдниковъ, при видѣ только-что вошедшаго молодого офицера. Онъ привѣтствовалъ ихъ короткими: «здравствуйте!», слегка потрепалъ О. по плечу и обратился къ князю со словами: «Ну, какъ поживешь,

умникъ?» У вошедшаго была гордая, непринужденная осанка, средній ростъ и замѣчательная гнбкость движеній. Выпшая при входѣ носовой платокъ, чтобы обтереть мокрые усы, онъ выронилъ на полъ бумажникъ или сигарочницу и при этомъ нагнулся съ такою ловкостью, какъ будто былъ вовсе безъ костей, хотя плечи и грудь были у него довольно широки. Гладкіе, бѣлокурые, слегка вьющіеся по обѣимъ сторонамъ волосы оставляли совершенно открытымъ необыкновенно высокій лобъ. Большіе, полные мысли глаза, казалось, вовсе не участвовали въ насмѣшливой улыбкѣ, игрившей на красиво очерченныхъ губахъ молодого человека. Одѣтъ онъ былъ не въ парадную форму: на шеѣ небрежно повязанъ черный платокъ; военный сюртукъ не новъ и не доверху застегнутъ, и изъ-подъ него видѣлось ослѣпительной свѣжести бѣлье. Эполетъ на немъ не было. Мы говорили до тѣхъ поръ по-французски, и О. представилъ меня на томъ-же діалектѣ вошедшему. Обмѣнявшись со мною нѣсколькими бѣглыми фразами, офицеръ сѣлъ съ нами за обѣдъ. При выборѣ кушаньевъ и въ обращеніи съ прислугой онъ употреблялъ выраженія, которыя въ большомъ ходу у многихъ, — чтобы не сказать въ всѣхъ, — русскихъ, но которыя въ устахъ новаго гостя неприятно поражали меня, поражали потому, что гость этотъ былъ — Лермонтовъ. Эти выраженія иностранецъ прежде всего выучиваетъ въ Россіи, потому что слышитъ ихъ повсюду и безпрестанно; по ни одинъ порядочный человекъ, — кромя

развѣ грека или турка у которыхъ въ ходу точь въ-точь такія-же выраженія,—не рѣшится написать къ въ переводѣ на свой родной языкъ. Во время обѣда я замѣтилъ, что Лермонтовъ не пряталъ подъ столъ своихъ нѣжныхъ, выхоленныхъ рукъ. Отвѣдавъ нѣсколькихъ кушавьевъ и осушивъ два стакава вина, онъ сдѣлался очень разговорчивъ и, надо полагать, много острлялъ, такъ какъ слова его были нѣсколько разъ прерываемы громкимъ хохотомъ. Къ сожалѣнію, для меня его остроты остались непонятными, такъ какъ онъ нарочно говорилъ по-русски и, къ тому-же, чрезвычайно скоро, а я въ то время недостаточно хорошо понималъ русскій языкъ, чтобы слѣдить за разговоромъ. Я замѣтилъ только, что остроты его часто переходили въ личности; но получивъ раза два мѣткій отпоръ отъ О., онъ почелъ за лучшее упражняться только надъ молодымъ княземъ. Нѣкоторое время тотъ добродушно переносилъ шпильки Лермонтова, но, наконецъ, и ему уже стало не въ мочь, и онъ съ достоинствомъ умѣрилъ его пылъ, показавъ, что, при всей ограниченности ума, сердце у него тамъ-же, гдѣ и у другихъ людей. Казалось, Лермонтова искренно огорчило, что онъ обидѣлъ князя своего товарища, и онъ всѣми силами старался примириться съ нимъ, въ чемъ скоро и успѣлъ. Я уже зналъ и любилъ тогда Лермонтова, по собраніи его

стихотвореній, вышедшему въ 1840 году; по въ этотъ вечеръ онъ произвелъ на меня столь невыгодное впечатлѣніе, что у меня пропала всякая охота поближе сойтись съ нимъ. Весь разговоръ, съ самаго его прихода, звенѣлъ у меня въ ушахъ, какъ будто кто-нибудь скребъ по стеклу. Я никогда не могъ,—можетъ быть ко вреду моему,—сдѣлать новый шагъ къ сближенію съ задорнымъ человекомъ, какое бы онъ ни занималъ мѣсто въ обществѣ; никогда не могъ цѣнить шалостей знаменитыхъ и гениальныхъ людей, только во имя ихъ знаменитости и гениальности. Я часто убѣждался, что можно быть основательнымъ ученымъ, поэтомъ или писателемъ, и въ то же время невыносимымъ человекомъ въ обществѣ. У меня правдо: основывать мое мнѣніе о людяхъ на первомъ впечатлѣніи; но въ отношеніи Лермонтова, мое первое, неурядное впечатлѣніе совершенно изгладилось пріятнымъ».

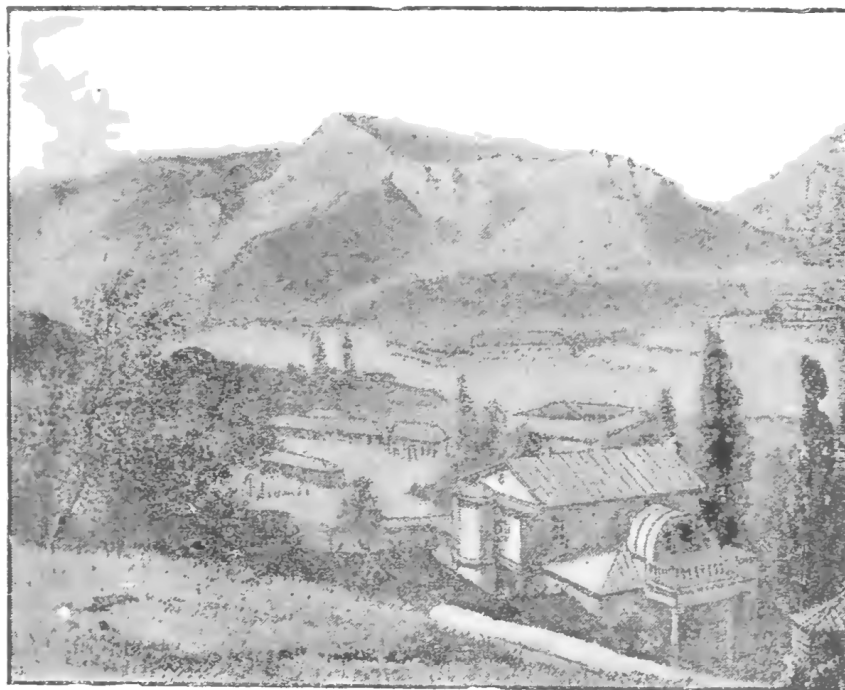
Лермонтовъ былъ до крайности самолюбивъ, по въ-то же время былъ дурень собой, неуклюжъ, дурно сложенъ, незнатнаго происхожденія, не богатъ. А между тѣмъ, онъ хотѣлъ быть красавцемъ, побѣждать сердца женщинъ, ему хотѣлось повастъ въ люди, лишь-бы никому въ этомъ не быть обязаннымъ. Все это его очень мучило. Отсюда его вѣшній байронизмъ, щегольство, постолпно рѣзкая или грубая на-

Гротъ Лермонтова въ Пятигорскѣ.
Рисунокъ И. С. Чацова.

смѣшка, вѣчное желаніе рисоваться, плоскія шутки, прилизъ въ выраженіяхъ. Будучи въ школѣ, онъ много писалъ, но почти всѣ эти его раннія поэтическія пробы не отличались приличіемъ и скромностью («Уланша», «Монго», «Праздникъ въ Петергофѣ»). Къ этому же періоду принадлежитъ также и поэма «Хаджи-Абрекъ», которая тайкомъ отъ автора передана была Сенинскому и напечатана имъ въ 1835 году въ «Библиотекѣ для чтенія», безъ вѣдома Лермонтова. Надъ своимъ поэтическимъ талантомъ онъ много работалъ, будучи въ юнкерской школѣ; онъ увлекался Пушкинымъ и изучалъ Байрона. Его тогдашнія поэтическія произведенія по фактурѣ стиха напоминаютъ Пушкина, а по содержанію и по тону—Байрона. Въ 1834

«Демонъ». Я былъ puzzled живостью разсказа и звучностью стиховъ и просилъ передать это неизвѣстному поэту. Тогда лишь, съ его дозволенія, рѣшился онъ мнѣ назвать Лермонтова, и когда гусарскій юнкеръ надѣлъ эполеты, онъ не замедлялъ ко мнѣ явиться... Лермонтовъ просиживалъ у меня по дѣльнымъ вечерамъ; живая и остроумная его бесѣда была увлекательна, анекдоты сыпались, но громкій и пронзительный его смѣхъ былъ неприятенъ для слуха, какъ бывало и у Хомякова, съ которымъ во многомъ онъ имѣлъ сходство... Пришло ему на мысль написать комедію, въ родѣ «Горе отъ ума», рѣзкую критику на современные нравы, хотя и далеко не въ уровень съ бессмертнымъ произведеніемъ Грибоедова. Лермон-

Домъ Реброва въ Кисловодскѣ. — мѣсто дѣйствія романа „Княжна Мери“. Съ литографіи Тимма.

году онъ вышелъ изъ юнкерской школы и поступилъ въ лейбъ-гвардію гусарскій полкъ корнетомъ. Съ тѣхъ поръ онъ началъ вести свѣтскую, разсѣянную жизнь; зимой проводилъ время въ высшемъ кругу петербургскаго общества и въ Царскомъ Селѣ, среди товарищей-гусаровъ, а лѣтомъ—на ученьяхъ и въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ. Къ этому же времени относятся и первыя его литературныя знакомства. Первое такое знакомство было съ А. И. Муравьевымъ. «Однажды, — разсказываетъ Муравьевъ, — его товарищъ по школѣ, гусаръ Цейллеръ, приноситъ мнѣ тетрадь стиховъ неизвѣстнаго поэта и, не называя его по имени, проситъ только сказать мое мнѣніе о самыхъ стихахъ. Это была первая поэма Лермонтова.

тому хотѣлось видѣть ее на сценѣ, но строгая цензура III-го отдѣленія не могла ее пропустить. Авторъ съ негодованіемъ прибѣжалъ ко мнѣ и просилъ убѣдить начальника этого отдѣленія, моего двоюроднаго брата Мордвинова, быть снисходительнымъ къ его творенію; но Мордвиновъ оставался неумолимъ; даже цензура получила неблагоприятное мнѣніе о заносчивости писателя, что ему вскорѣ отозвалось...»

Спустя нѣкоторое время, Лермонтовъ познакомился съ Краевскимъ и Бѣльскимъ. Панаевъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ исторію знакомства поэта съ Бѣльскимъ: «Бѣльскій часто встрѣчался съ Лермонтовымъ у г. Краевскаго. Бѣльскій пробовалъ было не разъ заводить съ нимъ серьезный разговоръ,

но изъ этого никогда ничего не выходило: Лермонтовъ всякій разъ отдѣлялся шуткой или, просто, прерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе. «Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ,—говорилъ Бѣлинскій,—было бы довольно странно; но я ни разу не слышалъ отъ него ни одного дѣльнаго и умнаго слова. Онъ, кажется, нарочно щеголяетъ свѣтскою пустою». И дѣйствительно, Лермонтовъ какъ будто щеголялъ ею, желая еще примѣшивать къ ней иногда что-то сатанинское и байроническое, пронзительные взгляды, ядовитыя шуточки и улыбки, старался показать презрѣніе къ жизни, а иногда даже и задоръ бретѣра. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если онъ не изобразилъ въ Печоринѣ самого себя, то по крайней мѣрѣ—идеалъ, сильно тревожившій его въ то время и на который онъ очень желалъ походить. Когда онъ сидѣлъ въ ординансъ-гаузѣ послѣ дуэли съ Барантомъ, Бѣлинскій навѣстилъ его; онъ провелъ съ нимъ часа четыре глазъ-на-глазъ и отъ него прямо пушелъ ко мнѣ. Я взглянулъ на Бѣлинскаго и тотчасъ увидѣлъ, что онъ въ необыкновенно приятномъ настроеніи духа. Бѣлинскій не могъ скрывать своихъ ощущеній и впечатлѣній и никогда не драпировался. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенный контрастъ Лермонтову. «Знаете-ли, откуда я?»—спросилъ Бѣлинскій.—Я былъ въ ординансъ-гаузѣ у Лермонтова, и попалъ очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ!... Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я вошелъ къ нему въ кабинетъ

зился, по обыкновенію. Думаю себѣ: «ну, зачѣмъ меня принесла къ нему пелегкая? Мы едва знакомы, общихъ интересовъ у насъ никакихъ, я буду его женировать, онъ меня... Что еще связываетъ насъ много—такъ это любовь къ искусству, но онъ не поддается на серьезные разговоры...» Я, признаюсь, досадовалъ на себя и рѣшился пробыть у него не больше четверти часа. Первые минуты мнѣ было неловко, но потомъ у насъ завязался какъ-то разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ Скоттъ... «Я не люблю Вальтеръ Скотта»,—сказалъ мнѣ Лермонтовъ: «въ немъ мало поэзіи, онъ сухъ»,—и началъ развивать эту мысль, постепенно одушевляясь... Я смотрѣлъ на него и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе; онъ былъ въ эту минуту самимъ собой. Въ его словахъ было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. Онъ перешелъ отъ Вальтеръ Скотта къ Куперу и, говоря о Куперѣ съ жаромъ, доказывалъ, что въ немъ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтерѣ Скоттѣ, и доказывалъ это съ топкостью, съ умомъ—и что удивило меня—даже съ увлеченіемъ! Боже мой! сколько эстетическаго чутія въ этомъ человѣкѣ! Какая иѣжная, поэтическая душа въ немъ!.. Не даромъ-же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось такъ его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ! Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хоть на минуту быть самимъ собой—я увѣренъ

«Воспоминаніе о Кавказѣ». Съ картины М. Ю. Лермонтова, писанной имъ масляными красками въ Новгородѣ, въ 1838—39 гг.